

Ф ИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Р HILOSOPHICAL TALKS: 10 YEARS AFTER

Вячеслав Семенович Стёпин – академик РАН, почетный директор Института философии РАН.

Vyacheslav Stepin – academician of the Russian Academy of Sciences, honorary director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

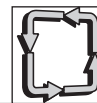
Илья Теодорович Касавин – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: itkasavin@gmail.com.

Ilya Kasavin – doctor of philosophical sciences, correspondent-member of the Russian Academy of Sciences, chair of the Department of Social Epistemology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

И.Т. Касавин (К.). Вячеслав Семенович, мы с вами 10 лет тому назад тоже в течение нескольких дней беседовали о вашем отношении к многим актуальным философским проблемам, нашей философской истории, тому, что сегодня происходит в философии и отчасти в обществе. По прошествии 10 лет мы с вами опять встречаемся, и мне хотелось бы выразить большую удовлетворенность тем, что хоть что-то в этой жизни не меняется. И я прошу вас опять ответить на несколько вопросов в связи с грядущим юбилеем.

В.С. Стёпин (С.). Давайте попробуем.

К. С высоты прожитого и пережитого у вас, естественно, сформировался особый опыт – опыт свидетеля живого развития российской философии начиная с 1950-х гг. Есть мнение, что после Шпенглера гуманитаристика освободилась от идеи кумулятивного развития применительно к обществу, что каждая эпоха и культура обладает своими уникальными стандартами рациональности и что идея линейного развертывания интеллектуальной жизни, духовной жизни себя исчерпала. К философии это тоже относится с определенными поправками, потому что мы понимаем, что философия Аристотеля и Канта в общем-то ничуть не менее содержательна, чем философия Куайна или Хайдеггера. Что можно сказать в отношении российской философии последнего времени, последнего полувека? Можно ли говорить о каком-то виде развития этой философии, обозначая это словами «прогресс» или «регресс»? Как вообще концептуализировать подобного рода развитие? Мы знаем несколько моделей развития – кумулятивистскую, циклическую, плюралистическую, синергетическую и т.д. Не хотели бы вы поразмышлять об этом?

С. Вопросы, которые вы сформулировали, выражают несколько кардинальных философских проблем. Для их обсуждения важно предварительно определить исходные позиции анализа.

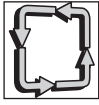
Очевидно, что когда речь идет о развитии знаний и, более широко, об эволюции духовной культуры, многое определяется явно или неявно принятыми представлениями об эволюции. Мне уже не раз приходилось писать о том, что даже когда речь идет о науке, в ней идеи эволюции могут пониматься по-разному. Все зависит от этапа развития науки, поскольку теория эволюции тоже развивается. Так, гипотеза Канта–Лапласа о происхождении Солнечной системы, концепция Ламарка о процессах видообразования в биологии не выходили за рамки представлений об объектах как простых (механических) системах. Здесь идея эволюции понималась и обосновывалась механистически.

Развитие генетики, кибернетики ввело новое видение эволюции. Эволюционные объекты предстали как сложные саморегулирующиеся системы. В этой парадигме были предложены новые варианты концепции биологической эволюции (И.И. Шмальгаузен) и социальной динамики (Т. Парсонс).

Наконец, в современной науке на переднем крае ее исследований постепенно утверждается представление об объектах как сложных саморазвивающихся системах. Я уже отмечал (и это один из моих новых результатов предыдущего года), что при рассмотрении объектов познания как саморазвивающихся систем возникает новое понимание проблемы преемственности знаний, включая преемственные связи между различными типами научной рациональности. Концепции преемственности, кумулятивности, плюрализма, синергетики с позиций сложных саморазвивающихся систем предстают не как рядоположенные, а как аспекты роста знаний, рассмотренных в качестве целостной саморазвивающейся системы. Они вовсе не противостоят друг другу и не являются изолированными друг от друга подходами.

К. Насколько я понимаю, это ваш новый результат, конкретизирующий представление о преемственных связях типов рациональности.

С. Это один из важнейших аспектов понимания такой преемственности. В журнале «Вопросы философии» при обсуждении моей книги «Цивилизация и культура» я уже отмечал это обстоятельство. В рамках современных представлений о саморазвивающихся системах гомеостаз (саморегуляция) выступает устойчивым состоянием саморазвивающейся системы. Поэтому если абстрагироваться от фазовых переходов, от изменения типа саморегуляции в ходе развития и поставить задачу изучения закономерностей воспроизводства развивающихся систем в их устойчивых состояниях, то главным предметом исследования будет саморегулирующаяся система. Она воспроизводится как устойчивое (инвариантное) состояние в процессах изменения до тех пор, пока сохраняются параметры порядка. Но можно

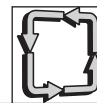

сделать и следующий шаг. В том временном интервале, пока параметры порядка не меняются, можно при решении ряда задач абстрагироваться и от процессуальной сложности саморегулирующихся системных объектов, полагая их устойчивыми и неизменными. Тогда некоторые их взаимодействия можно описывать в терминах простых систем. Например, при рассмотрении процессов гравитационного взаимодействия Земли и Солнца главными системными параметрами выступают их массы и расстояние между ними. В этой ситуации можно абстрагироваться от сложных процессов ядерных реакций в недрах Солнца, от процессов взаимодействия литосферы, гидросферы, атмосферы, биосферы и ноосферы Земли и рассматривать Землю и Солнце только как тяготеющие массы. Кстати, в этом случае величина, характеризующая массу, становится решающей. При увеличении массы выше определенного предела гравитационное сжатие породит ядерные реакции и превратит планету в звезду. Значительная потеря массы звезды превратит ее в остывающее квазипланетное тело.

Таким образом, человеческое познание может выделить и зафиксировать отдельные состояния и аспекты саморазвивающихся систем, превратив их в самостоятельные предметы изучения.

Познавательное освоение сложных саморазвивающихся систем в науке началось именно с аспектов их устойчивых состояний. Но отсюда не следует, что простые, сложные саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы онтологически рядоположены. Онтологически в ходе космической эволюции простые системы не предшествуют сложным и не возникают отдельно от них. Правда, «онтологическую первичность» простых систем по отношению к сложным можно зафиксировать в техногенезе. Здесь действительно техника простых (механических) систем предшествовала возникновению техники сложных саморегулирующихся, а затем и саморазвивающихся систем (последние начинают появляться только на современном этапе техногенеза, на рубеже XXI в.). Но при всем том нельзя упускать из виду, что техногенез представляет собой особую линию эволюции, которая предполагает человека и его деятельность. В естественной линии эволюции природы, без человека технические устройства не возникают. Вероятность их самопроизвольного рождения исчезающе мала, хотя и не противоречит законам природы. Только с появлением человека и общества как особой стадии космической эволюции техногенез из абстрактной возможности становится действительностью. Он встроен в эволюцию общества, в процессы формирования ноосферы в качестве ее особой подсистемы. В этом смысле все объекты техногенеза предстают как фрагменты и аспекты сложной саморазвивающейся биосферно-ноосферной системы.

В предельно широком подходе, учитывая, что системное многообразие предметов познания выступает отдельными аспектами, фраг-

ментами, состояниями процессов саморазвития, плюрализм, преемственность, кумулятивность, цикличность, синергетический подход выступают взаимосвязанными, предполагающими друг друга, а не отдельно взятыми и несовместимыми парадигмами.

Плюрализм состояний сложной системы возникает как естественный процесс ее взаимодействия со средой. В о - п е р в ы х, при ее воспроизводстве, когда основное инвариантное состояние возникает в обрамлении вариативных состояний. В процессе гомеостаза сложная система никогда не воспроизводится как абсолютно тождественная себе во всех деталях. В о - в т о р ы х, плюрализм состояний сложной развивающейся системы возникает в процессе фазовых переходов, когда в точках бифуркации обозначается некоторый набор сценариев возможного развития системы и формируются соответствующие аттракторы, которые конкурируют между собой. Возрастающие вероятности того или иного сценария и его последующая реализация полностью не уничтожают состояний, порожденных альтернативными сценариями. Некоторые из этих состояний могут быть в трансформированном виде включены в новую целостность на завершающем этапе фазового перехода. Такое включение предстает как особая форма кумулятивности, реализующаяся в процессах развития.

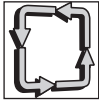
Новое не возникает спонтанно на пустом месте. Но оно и не просто «хорошо забытое старое», а такое «старое», которое может быть включено в новую целостность и перестраивается в ходе этого включения.

Все эти особенности саморазвивающихся систем позволяют в новом ракурсе рассматривать эволюцию научного и философского знания.

К. Было бы не лишне на конкретных примерах продемонстрировать действие выделенных вами характеристик саморазвития в области научного познания.

С. В моих прошлых работах было проведено несколько реконструкций, относящихся к данной тематике. Можно обратиться к одной из них – истории электродинамики на этапе построения классической теории электромагнитного поля и затем на этапе квантовой электродинамики.

В классической электродинамике соперничали две конкурирующие стратегии исследования. П е р в а я из них – электродинамика Ампера–Вебера, которая развивалась в рамках механистической картины мира. В ней электродинамические процессы рассматривались по образу и подобию механических, полагалось, что они основаны на принципе дальнего действия (мгновенная передача сил в пространстве по прямой). В т о р а я стратегия была связана с работами Фарадея и затем Максвелла. Она привела к теории электромагнитного поля и изменению физической картины мира, в которую вошли представления об электромагнитном поле, а принцип дальнего действия

был заменен принципом близкодействия – распространения сил в пространстве от точки к точке с конечной скоростью.

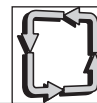
Это была смена парадигмы в рамках классической науки. Все основные законы, открытые в электродинамике Ампера–Вебера, были переформулированы и включены в максвелловскую теорию. Предсказание электромагнитных волн, подтвержденное в опытах Герца, окончательно определило эту теорию как магистральную линию развития физики. От нее, как известно, шел путь к теории относительности и последующей великой революции, связанной с построением квантово-релятивистской физики и утверждением рациональности неклассического типа.

Но означает ли это, что альтернативная стратегия исследований, представленная традициями электродинамики Ампера–Вебера, исчезла с горизонта физических исследований как непродуктивная и ложная? Нет, не означает. Еще до создания Максвеллом теории электромагнитного поля в этой программе исследований произошли интересные изменения. Принцип дальнего действия не согласовывался с развитием волновых представлений в оптике и с многими фактами, полученными при экспериментальных исследованиях явлений электричества и магнетизма. В этой связи была выдвинута программа изменения принципа дальнего действия. В 1845 г. Гаусс в письме к Веберу указывал, что для дальнейшего развития теории электричества и магнетизма следует в дополнение к известным силам действия между зарядами допустить существование других сил, распространяющихся не мгновенно, а с конечной скоростью. Риман осуществил эту программу, развивая теорию потенциала, и предложил уравнение для запаздывающих потенциалов. В этой версии предполагалось, что электродинамические взаимодействия могут быть описаны в терминах теории потенциала без введения полевых представлений.

Теория потенциала была ассимилирована теорией электромагнитного поля путем ее новой интерпретации. В этом смысле кумулятивная преемственность состоялась. Но первичная интерпретация идеи запаздывающих потенциалов, связанная с модификацией теории Ампера–Вебера и допускавшая распространение сил с конечной скоростью в пустом пространстве, была неприемлема для полевой парадигмы и воспринималась как бесперспективная. Однако и в этом сюжете были неожиданные повороты истории.

Примерно через полвека Фейнман использовал идею передачи сил без полевых посредников при разработке квантовой электродинамики и ее формулировке в терминах интегралов по траектории. Это обстоятельство Фейнман особо отмечал в своей нобелевской лекции.

К. Почему же так получилось? Почему идея, казавшаяся бесперспективной в эпоху научной революции, связанной с построением классической теории электромагнитного поля, сыграла важную роль в другую эпоху, при построении квантовой электродинамики?

С. Это важный вопрос. Ответ на него предполагает анализ тех изменений в стиле научного мышления, который произошел в эпоху становления квантово-релятивистской физики.

Научная революция, приведшая к смене механической картины мира на электродинамическую (в фарадеевско-максвелловской трактовке), не выходила за рамки классической рациональности. А революция, связанная с построением теории относительности, квантовой механики, а затем и квантовой электродинамики, утвердившая квантово-релятивистскую картину физической реальности, привела к смене типа научной рациональности.

Квантовая электродинамика разрабатывалась в русле неклассического подхода. Фейнман, используя при развитии этой теории представления о взаимодействии зарядов без полевых посредников, наряду с идеей запаздывающих потенциалов ввел гипотезу опережающих потенциалов. Гипотеза способствовала созданию нового математического аппарата, но порождала и определенные трудности его интерпретации.

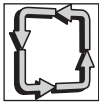
По поводу этих трудностей Фейнман впоследствии писал, что к тому времени он уже был «в достаточной мере физиком», чтобы не сказать, что «этого не может быть». После Эйнштейна и Бора все физики знали, что иногда парадоксальные идеи, позволяющие развить перспективный математический аппарат, могут оказаться правильными, если разобраться в них более детально¹.

Быть физиком в классическую и неклассическую эпоху – совсем не одно и то же. В классический период физик не создавал математический аппарат теории без опоры на целостную и обоснованную опытом научную картину мира. Но в неклассической физике утвердилась иная стратегия исследований. Она обозначилась уже при построении квантовой механики и теории относительности. На начальном этапе создания новой теории картина мира может быть представлена в незаконченном, эскизном варианте, в виде отдельных онтологических принципов, таких, как, например, принципы существования кванта действия и корпускулярно-волнового дуализма.

Построение теории осуществляется методом математической гипотезы. Создаваемый математический аппарат вначале содержит величины даже ключевого характера, физический смысл которых не прояснен. Коррективы в прояснение этого смысла вносит эмпирическая интерпретация. И только после этого начинается этап уточнения и достройки первоначального эскизного варианта новой физической картины мира.

Особенностью этих процессов в неклассической физике является экспликация связей между вводимыми онтологическими принципа-

¹ См.: Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1988. С. 199.

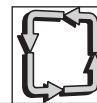
ми, в которых выражены сущностные характеристики исследуемой реальности, и обобщенной схемой средств и операций деятельности, благодаря которым выявляются эти характеристики. В квантовой механике это находит свое выражение в принципе относительности квантово-механического описания к средствам наблюдения и принципе дополнительности. В специальной теории относительности – в связи онтологического и операционального смыслов ее фундаментальных постулатов (принципа относительности и принципа постоянства скорости света).

Я неоднократно анализировал эти особенности неклассической науки в своих работах². Еще раз подчеркну, что особенности классического и неклассического подходов к пониманию теории и картины мира связаны с различными уровнями философской рефлексии над познавательной деятельностью. Классика ограничивалась лишь первым уровнем такой рефлексии. Познавательная деятельность рассматривалась здесь как такое отношение субъекта к объекту, в котором субъект познания предстает как беспредпосылочный и суверенный разум, со стороны созерцающий объект и способный усматривать в явлениях сущностные связи объекта. Неклассический подход демонстрирует более глубокий уровень рефлексии над деятельностью. Здесь познающий субъект рассматривается не как со стороны созерцающий мир, а как находящийся внутри мира и действующий в нем. Субъект и объект предстают как своего рода полюса деятельности. Посредником между ними выступают средства и операции деятельности. Познаваемый объект выделен из мира и воспроизводится в качестве определенного фрагмента или аспекта Универсума в зависимости от характера средств и операций деятельности, которые исторически развиваются в процессе развития общества.

Отсюда возникает новое понимание взаимоотношения между различными научными картинами мира. Картина мира воспринимается в неклассической науке не как абсолютно адекватный портрет действительности, а как относительно истинное ее представление. Если одна из двух конкурирующих картин мира утверждается в качестве доминирующей парадигмы, то это не означает, что другая, альтернативная ей картина реальности является абсолютно ложной и в ней нет элементов истинного знания. Не исключено, что именно эти элементы могут стать источником перспективных идей в будущем, при исследовании новых типов взаимодействия.

К. В таком случае идея Куна о несоизмеримости и несовместимости парадигм требует серьезной корректировки. Но здесь есть свои подводные камни. С точки зрения здравого смысла и логики принципы механической картины мира – неделимости атома, абсолютного

² См., например: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. Гл. V.

пространства-времени — оказались опровергнуты и несовместимы с современными представлениями об атоме и о пространстве и времени в теории относительности. Были ли элементы истины в классических представлениях об атоме и о пространстве и времени?

С. Хороший вопрос. Ответ на него может быть получен с учетом неклассического подхода, который требует соотнести онтологизацию теоретических конструктов картины мира с особенностями средств и операций деятельности определенной исторической эпохи. Принцип неделимости атома был справедлив до тех пор, пока физика не вышла на исследование уровня энергий, при котором можно обнаружить делимость атома. А в диапазоне энергий механического взаимодействия, с которыми имела дело механика, например, XVII–XVIII вв. и даже первой половины XIX в., обнаружить делимость атома было невозможно. Поэтому если известное высказывание Ньютона «Бог создал мир из неделимых корпускул» продолжить словами «в диапазоне энергий, которые освоила механика XVII–XVIII в.», то это будет абсолютное истинное высказывание.

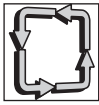
Аналогичным образом обстоит дело с концепцией абсолютного пространства и времени. Ее применение при описании взаимодействий, протекающих со скоростями намного меньшими, чем скорость света, было оправдано тем, что релятивистские изменения пространственных и временных интервалов в этом случае столь малы, что ими можно было пренебречь. Их принципиально невозможно было зафиксировать средствами классической механики, и относительно таких средств концепция абсолютного пространства и времени была вполне допустимой идеализацией.

В обоих рассмотренных ситуациях мы сталкиваемся с особым типом преемственности и кумулятивного развития. Новый, неклассический тип рациональности не отбрасывает все без исключения классические идеи как ложные, а определяет границы их применимости по принципу соответствия. Абстракции классических онтологий предстают в этом случае как идеализации, отождествление которых с реальностью допустимо лишь в относительном смысле, в определенных границах, где их отдельные (но не все) признаки имеют объективно-истинное содержание.

Парадигмы несовместимы, если придерживаться классического подхода. Но с позиций неклассического видения они могут быть совместимы по принципу соответствия.

К. А теперь, видимо, вы могли бы применить этот подход к развитию философии.

С. Фундаментальные науки и философия имеют общие черты. В обоих случаях вырабатываются идеи, адресованные будущему, а часть далекому будущему, в котором они обретают практический смысл. Относительно фундаментальных исследований, допустим ес-

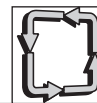

тестовзнания, их практическое применение обычно связано с появлением новых технологий. Есть такой образ – фундаментальная научная теория в виде своего рода созвездия возможных технологий будущего. По отношению к философии ее практическая значимость не столь очевидна. Она требует пояснений, сопряженных с анализом функций философии в жизни общества.

Философское познание есть особая сфера культуры, взаимодействующая с другими ее сферами – обыденным познанием, наукой, искусством, политически-правовым сознанием, нравственностью. И в этом статусе феномена культуры философия выполняет особые функции. Анализ последних как раз и позволяет определить предмет философского познания. Несмотря на то что философия часто не имеет заведомо прагматического выхода в ситуации сегодняшней социальной жизни, она сохраняется и развивается уже несколько тысячелетий. Развивается, несмотря на известные реплики по поводу того, что это – поиск черной кошки в темной комнате, где кошки нет. Но оказывается, что поиски черной кошки нужны человечеству. Суть состоит в том, что философия имеет дело с особым предметом – фундаментальными ценностями культуры, ее глубинными мировоззренческими структурами, которые задают наиболее общую схему развития того или иного общества. Если угодно, предметом философии являются основания культуры, духовные матрицы, уподобленные геному, в соответствии с которым воспроизводится и изменяется социальная жизнь, тот или иной вид социального организма. Каждым социальным организмом (видом общества) управляет особый культурно-генетический код. Он представлен взаимодействием мировоззренческих универсалий культуры: пониманием того, что есть человек, природа, человеческая деятельность, рациональность, как соотносятся инновации и традиции, как понимаются личность, власть, справедливость, свобода, добро и зло и т.д. Посредством этих категориальных смыслов и их связей создается определенная картина человеческого жизненного мира, на которую ориентируется человек и благодаря которой воспроизводится социальная жизнь. Здесь есть аналогия с тем, как работает геном в воспроизводстве и изменении биологических организмов. В обществе эту функцию выполняют основания культуры и система ее мировоззренческих универсалий.

К. Именно отсюда, как я понимаю, и следует особая функция философии, точнее две ее взаимосвязанные функции, которые на первый взгляд имеют разнонаправленный характер, но по сути предполагают друг друга, если иметь в виду специфику философской рефлексии. Мне кажется, это совсем не банальные вещи, которые довольно редко обсуждаются в современной западной философии.

С. На эту тему я не раз высказывался в своих предыдущих работах. Поэтому лишь эскизно воспроизведу основные идеи.

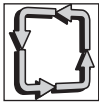

Распространенную сегодня формулу «философия – это самосознание культуры» я уточнил и конкретизировал следующим образом. Философия осуществляет рефлекссию над универсалиями культуры, она их обнаруживает в разных сферах культуры, выносит на суд разума, критически анализирует их смыслы, конструирует и обосновывает новые категориальные смыслы, которые предстают как новые философские идеи. Решение этих задач достигается благодаря двум взаимосвязанным типам философских исследований.

Первый из них предполагает сравнительный анализ различных областей культуры, в каждой из которых обнаруживается действие мировоззренческих универсалий. Универсалии культуры не локализованы в какой-то одной области, а пронизывают все сферы культуры. Философия стремится выявить общие для этих сфер смыслы мировоззренческих универсалий. Она улавливает тенденции их возможных изменений, критически их анализирует. В этом процессе происходит первичная трансформация универсалий культуры в философские категории. Первоначально они могут быть представлены в форме смыслообразов («Логос» Гераклита, «Нус» Анаксагора, «Дао» в китайской философии и т.д.). На этом этапе философия имеет много общего с художественным познанием, близка к литературе и искусству. Но затем начинается второй этап философствования, когда происходит дальнейшая рационализация первичных категориальных смыслообразов. Они переплавляются в достаточно строгие понятия. Эти образы упрощаются, схематизируются, становятся своеобразными идеальными объектами, абстракциями, с которыми мышление начинает работать как с особыми сущностями. Она осуществляет с ними своего рода мысленные эксперименты, ставит теоретические задачи и прослеживает, как изменение признаков одной категории требует изменения признаков других. Категории на этом этапе предстают как абстракции с четко фиксируемыми признаками. В них акцентируется рациональная составляющая, а эмоциональные смыслы отходят на задний план. Здесь философия предстает уже как достаточно строгая теоретическая наука.

Оба типа философских исследований постоянно взаимодействуют. Ни одно из них в отдельности не представляет целостности философского познания. Осуществляя движение от первичной фиксации мировоззренческих универсалий культуры своей эпохи к их критическому анализу, к постановке теоретических задач и конструированию новых смыслов категорий, философия способна выйти за рамки мировоззренческих универсалий своей культуры.

Категории философии и универсалии культуры не тождественны, хотя часто обозначаются одними и теми же терминами. В первом, философское познание, рационализируя универсалии культуры, упрощает и схематизирует их. Во-вторых, новые признаки философ-

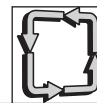

ских категорий, зафиксированные в их определениях, могут не соответствовать признакам универсалий той культуры, в которой философия разрабатывала свои идеи.

Философское познание способно генерировать нестандартные мировоззренческие смыслы и тем самым вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни. Причем философия осуществляет эту работу не только в эпохи социальных кризисов, но и систематически, заготавливая заранее идеи, которые могут понадобиться в будущем.

Адресованные будущему философские идеи, возможно, не окажут влияния на современную социальную жизнь, но пройдет время, и они понадобятся, станут востребованы. Тогда они начнут трансформироваться в новые универсалии культуры. В такие эпохи созданные философией категориальные схемы, абстрактные философские идеи становятся ядром новых правовых, политических и религиозных учений, процессов художественного творчества, новых нравственных идеалов. Их рациональное содержание насыщается эмоциональными переживаниями, благодаря чему они становятся новыми ценностями, погружаются в недра культуры и формируют новый тип человеческого мира. Они оказываются теми смысложизненными ориентирами, которые люди усваивают частично сознательно, а во многом подсознательно, и которые начинают по-новому организовывать социальную жизнь. Короче говоря, философия – это такая познавательная деятельность, которая активно участвует в формировании «социальных геномов» возможных человеческих миров. И до тех пор пока общество развивается, это оказывается жизненно важным, особенно на этапах социальных кризисов и поиска новых ценностей. В такие эпохи философия становится сугубо практической наукой, в высшей степени практической, поскольку она вырабатывает и предлагает обществу новые мировоззренческие ориентиры.

Вырабатывая теоретические заготовки для мировоззренческих универсалий возможного будущего, философия включает свои новые идеи в поток культурной трансляции. Где и когда они понадобятся, философ заранее не знает. Часто эти идеи столетиями транслируются в культуре, прежде чем стать истоком ее трансформаций, меняющих общественную жизнь. Иногда эта роль философских идей в становлении новых социокультурных реалий прослеживается в явном виде. Показательным примером может служить использование идей Дж. Локка творцами американской конституции. Эти идеи (права человека, разделение властей и др.) были сформулированы Локком задолго до создания конституции США. Но чаще идеи и проблемы, сформулированные в философии, конкретизируются и видоизменяются в процессе культурной трансляции, поэтому проследить их философские истоки не всегда просто.

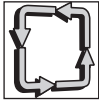
Идея, когда она воспроизводится в новой культурной среде, формулируется в новом языке, что вносит в нее определенные изменения. Эта ситуация вообще-то известна как новое прочтение идей, их переосмысление. Важно подчеркнуть, что разнообразие интерпретаций не отменяет идеала системности философского дискурса.

К. Вопрос о системном единстве философского знания сегодня особенно актуален. На этапе классики создавались целостные философские системы, в которых были логически связаны онтология, гносеология, этика, эстетика, философия религии, права, политики. Но сегодня философ не ставит перед собой таких задач. Философия представлена набором дисциплин, в каждой из которых возникают свои проблемы, идеи и их конкуренция. Сохраняется ли сегодня идеал системности философского знания? Или он уже утрачен?

С. Системность философского знания имеет глубокие основания в самом предмете философии. Философская рефлексия над мировоззренческими универсалиями культуры всегда имеет дело с их системной организацией как фрагментов целостного социокультурного генома. Изменение смыслов мировоззренческих универсалий в какой-либо одной области культуры неизбежно отрезонирует в других областях.

Улавливая тенденции изменения универсалий культуры, конструируя новые смыслы категорий, философия моделирует возможные изменения универсалий культуры как системной целостности (а именно так они функционируют в той или иной культурной традиции). Такого рода исследования по-разному осуществлялись в классической и неклассической философии. Классика стремилась построить окончательные и абсолютно истинные системы философского знания. Она предлагала их как лучшее устройство человеческого мира. Но чаще всего такие системы не реализовывались в социальной практике в том виде, в каком их изобретал философ. И в них действительно содержалось множество утопических элементов. Но это не значит, что классические системы не оказывали никакого влияния на изменение мировоззренческих оснований культуры. Просто культура селективно отбирала то, что было ей необходимо в тех или иных ситуациях социального развития.

Неклассический тип философствования меняет стратегию исследований. Философия начинает учитывать историческое развитие своих средств и методов, а также осознавать свою погруженность в культуру и социальную среду. Возникает понимание обусловленности познающего разума состояниями культуры и общества на каждом конкретном этапе их исторического развития. Поэтому невозможно построить абсолютно истинную философскую систему: каждая такая система даже в своих прогностических компонентах детерминирована особенностями культуры своей эпохи и в силу этого ограничена.

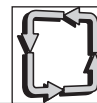
Отказываясь от построения последних и окончательных систем, неклассическая философия вовсе не отказывается от системного мышления, от установления связей между категориями. Она по-прежнему прослеживает, как изменение представлений о свободе меняет понимание личности, права, справедливости, деятельности, природы и т.д. Только в отличие от классической философии она не ставит своей целью дать последнюю и абсолютно истинную систему категорий. Она допускает появление в ходе исторического развития новых смыслов универсалий культуры, еще не проанализированных и не открытых философией. Поэтому для неклассического подхода философия не кончается, пока продолжается развитие общества и его история. Именно в рамках неклассического подхода возникает новая постановка проблемы предмета философии. Нужно так определить философию, чтобы и классика и неклассика нашли свое место в этом обобщающем определении. На мой взгляд, эта задача решается, если философию определить как рефлексию над мировоззренческими универсалиями культуры и конструирование их новых смыслов.

К. Как согласуется идеал системности философского знания с современной дифференциацией философских исследований?

С. В развитых формах культуры возникают различные виды познавательной деятельности со своей спецификой. Они автономны, но их автономия относительна. В каждой из них можно обнаружить общий для всех социокультурный геном (единую систему мировоззренческих универсалий, но с разной акцентировкой их смыслов).

Проверяя свои построения путем их постоянного соотнесения с реальным развитием различных сфер культуры, отдельные области философского знания начинают обретать относительную самостоятельность. В эпоху перехода от классической к неклассической парадигме они конституируются в качестве специальных философских дисциплин (онтология, теория познания, этика, эстетика, философия религии, философия права, философия науки и т.п.).

В каждой из этих дисциплин философия обнаруживает действие мировоззренческих универсалий и их взаимную корреляцию, генерирует и обосновывает новые категориальные смыслы. Причем процессы такого обоснования выявляют и демонстрируют системные связи категорий не только в рамках определенной философской дисциплины, но и в их междисциплинарных взаимодействиях. Приведу только один поясняющий пример. Разработка в рамках философии науки идеи рациональности и особенностей постнеклассической рациональности предполагает, в о - п е р в ы х, экспликацию новых смыслов категорий части и целого, движения и развития, пространства и времени, что имеет прямой выход в проблематику философской онтологии; в о - в т о р ы х, новое понимание отношений теории и опыта, чувственного и рационального, объяснения, описания и доказательности

(выход в гносеологию); в - т р е т ь и х, постановку проблемы дополнительного этического регулирования при исследовании человекообразных саморазвивающихся систем, что предстает как прямое взаимодействие двух областей философского знания – философии науки и этики.

Системность философского знания здесь сохраняется, приобретаемая по сравнению с классикой более динамические черты. Разумеется, многое зависит от глубин философского анализа. При поверхностных исследованиях он становится фрагментарным и тогда утрачивается системная связь различных областей философского знания.

К. Определение философии как самосознания культуры, рефлексии над ее мировоззренческими универсалиями ставит вопрос об отношении философии к социально-гуманитарным наукам, которые также изучают культуру и ее функции в обществе.

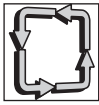
С. На ранних стадиях развития до возникновения системы наук об обществе, человеке и культуре философия включала в состав своих задач получение знаний о различных областях социальной жизни. Эти знания были инкорпорированы в процесс формирования философских категорий. Категориальные структуры, образующие фундамент культуры, вначале обнаруживались в рамках собственно философского познания, которое анализировало категории обыденного мышления и языка, политические и правовые отношения, искусство, религию, науку. Но по мере того как соответствующие области знания об обществе и человеке отпочковывались от философии и превращались в самостоятельные социально-гуманитарные дисциплины, философия все активнее использовала достижения этих дисциплин, взаимодействуя с ними.

Философия участвует в обосновании открытий социально-гуманитарных наук и вместе с тем получает в свое распоряжение эмпирический материал, опираясь на который, решает задачи выработки новых категориальных смыслов, адресуемых будущему.

К. В своей концепции типов рациональности вы отличаете постнеклассику от неклассики. Относится ли это и к философии?

С. Концепция трех типов рациональности была разработана мною применительно к *научному* познанию. Естественно, возникает вопрос о возможностях ее расширенного толкования и применения к другим формам познания. В этом случае важен учет специфики каждой из таких форм, что требует особого анализа. Что же касается философии, то я не вижу запретов на использование здесь понятий «классика», «неклассика» и «постнеклассика».

В предыдущем рассуждении о специфике системности знаний в классической и неклассической философии я говорил о неклассическом подходе в расширительном смысле, не дифференцируя его на собственно неклассический и постнеклассический этапы. Но в принципе такую дифференциацию провести можно.

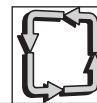

Для определения неклассического подхода достаточен уровень рефлексии, в котором учитывается роль средств и операций познавательной деятельности и их историческое развитие. Показательно, что Хабермас, характеризуя неклассический подход в философии, фиксировал это в качестве главного его признака. Он отмечал, что классика ограничивалась пониманием познания как отношения познающего разума к внешнему объекту, тогда как неклассическая трактовка усматривает связывающего их посредника – деятельность и язык. Этот уровень рефлексии репрезентировал неклассику в собственном смысле слова. Но дальнейший анализ ставил новую проблему – исследования ценностно-целевых структур деятельности как важнейшего аспекта программ, в соответствии с которыми эта деятельность осуществляется. Уровень рефлексии, выявляющий социокультурный статус таких программ, вводил и затем конкретизировал идею социокультурной обусловленности познания и сознания. Первоначально в общей форме эта идея была включена в концепцию неклассического подхода в широком смысле слова. Но дальше потребовалось конкретизировать представления о социокультурной детерминации философии и ее функциях в жизни общества.

В отечественных исследованиях важным шагом на этом пути была сформулированная Мамардашвили идея о философии как рефлексии над предельными основаниями культуры. Что следует понимать под основаниями культуры, он не определил, но некоторые представления о них возникали из контекста его работ. Я сделал следующий шаг – показал, что основания культуры – это система ее мировоззренческих универсалий, что позволяло по-новому определить предмет и функции философского познания. Этот подход предполагал наиболее полную рефлексию над предметом, средствами и ценностно-целевыми структурами познавательной деятельности. Его можно интерпретировать как постнеклассическое понимание философского познания. В рамках этого подхода очерчиваются границы классического и неклассического (в собственном смысле) подходов, и они охватываются общим (постнеклассическим) определением предмета и функций философии. При таком способе рассмотрения классика и неклассика не утрачивают своей ценности. Полученные в них знания сохраняются и переосмысливаются.

К. Сохраняется ли в этой трактовке идея прогресса в развитии философского знания? Как согласовать этот идеал с констатацией, что в философии есть вечные проблемы?

С. Сначала давайте уточним, что понимать под идеей прогресса в философии. Если речь идет о том, что, допустим, современные философы должны превосходить Платона и Аристотеля, то идея прогресса к философии неприменима. Но если рассматривать основные этапы исторического развития философии от античности до современности

и задать вопрос: есть ли в этом процессе рост знания и генезис новых идей, то тогда имеет смысл размышлять о прогрессе в философии. В этом размышлении важно уйти от неопределенного обыденного значения понятия прогресса, где основным признаком полагалась его эмоциональная оценка в качестве своего рода гарантии «светлого будущего человечества», как это выражено в одной из советских песен: «завтра будет лучше, чем вчера».

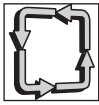
Более определенный смысл это понятие получает в рамках концепции развития как стадий качественного изменения систем. Тогда переход системы в новое качество, сопровождающийся усложнением и дифференциацией системы с сохранением ее целостности, можно обозначить термином «прогресс». А упрощение системы, разрушение высших уровней ее организации, возникших на предыдущих этапах развития, распад сложной целостности можно обозначить как регресс. И если с этих позиций рассматривать развитие философского знания, то прогресс можно обнаружить. Он выражен в процессах накопления знаний, постановке новых проблем и поиске их поэтапного решения, приводящего к рождению новых философских идей.

К. Остается прояснить, как соотносится с этой позицией идея вечных философских проблем, которые воспроизводятся на протяжении всех этапов ее истории.

С. Как известно, Кант в свое время обозначил главные проблемы философии, которые он предполагал решить: что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что есть человек? Три его великих труда «Критика чистого разума», «Критика практического разума» и «Критика способности суждения» самим их создателем понимались как ответ на три первых вопроса. Полагалось, что из них будет следовать исчерпывающий ответ и на четвертый вопрос. И хотя отдельного труда на эту тему Кант не написал, он считал возможным такой ответ получить. В принципе все классические философские системы претендовали на окончательное решение этих кардинальных философских проблем. Но всегда возникала иная философская система, которая по-новому трактовала каждую проблему и оппонировала другим системам.

При переходе от классики к неклассике (в широком смысле) каждый из сформулированных Кантом вопросов стал восприниматься как проблема, которая ни на каком этапе развития философии не получает последнего, окончательного и абсолютно истинного решения. Эти вопросы предстают как вечные философские проблемы, и если допустить, что они будут на каком-либо этапе развития окончательно решены, то это означает, что философия на этом этапе прекращается.

Однако вечность проблемы не означает, что ее видение и понимание остается одним и тем же, что философия топчется на месте и в ней нет роста истинного знания. Напротив, с каждым новым этапом разви-

тия возникает новое видение кардинальных философских проблем, их дифференциация, появление новых, ранее не сформулированных конкретных задач, решение которых дает прирост элементов истинного знания и переосмысление проблемного поля философии в целом.

Когда Кант формулировал кардинальные философские вопросы, он акцентировал их системную связь и целостность. Последняя сохраняется и в неклассическом подходе, только она выступает здесь в новом ракурсе. Чтобы решать вопрос, какова природа познания (что я могу знать?), необходимо, согласно неклассической парадигме, осмыслить социальную обусловленность и историчность познания. А это осмысление требует хотя бы первичного, общего представления о том, что есть человек. Но тогда поставленные Кантом вопросы должны восприниматься по-новому. Они предстают как проблемное поле, определяющее философский познавательный цикл, который многократно повторяется в процессе развития философского знания. Проблема «что есть человек?» выступает и как начальная, и как завершающая стадия этого цикла. В начальной стадии она задает некоторые общие контуры анализа природы познания, нравственных, политических и правовых проблем, эстетики, аксиологии, философии культуры. А затем эти исследования, их результаты вновь возвращают философию к вопросу «что есть человек?». Но этот вопрос уже рассматривается в новом свете, с учетом полученных знаний о природе познания, об обществе и его исторически развивающихся правовых и нравственных идеалах, о более глубоком понимании социально-деятельностной сущности человека. И цикл снова повторяется.

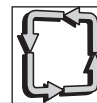
Трактовка кантовских вопросов как системно связанных компонентов познавательного цикла, многократно повторяющегося в историческом развитии философии, не только не противоречит принципам преемственности, кумулятивности и (в определенном смысле) прогресса философских исследований, но и выступает условием реализации этих принципов.

К. Вячеслав Семенович, за последние 60 лет наша страна пережила целый ряд довольно решительных социальных изменений, которым, судя по вашей концепции философии, должна была соответствовать и определенная философская динамика.

С. Так она и была!

К. Вот об этом вопрос: как обозначить векторы этой динамики?

С. Прежде всего не следует жестко и однозначно связывать идею свободы творчества с идеями политической демократии. В начале 1990-х гг. при переходе от советского социализма ко второму российскому капитализму у нас распространялись суждения, что ничего путного в советской философии не было, поскольку она развивалась под идеологическим контролем, а поэтому придется начинать с «чистого листа» и догонять Запад.

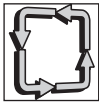
Оценки такого рода абсолютно не соответствовали реальному положению дел и основывались на предпосылочном суждении, что отсутствие демократических свобод автоматически приводит к деградации творчества в культуре. Мне уже приходилось отмечать, что если следовать этой логике, то невозможно понять, как могла возникнуть в абсолютистских монархиях Европы XVIII в. великая музыка Баха, почему в эпоху Николая I существовала поэзия Пушкина и Лермонтова, как стала возможной немецкая классическая философия в социальной среде, весьма далекой от идеалов демократии.

Зависимость между политическим строем и достижениями культуры не однонаправлена, а подчас амбивалентна. Бесспорно, тоталитарные режимы ограничивали и сковывали развитие философской мысли. Но даже во времена идеологических чисток сталинской эпохи работали замечательные российские философы М. Бахтин и А. Лосев, разрабатывал концепцию социальной природы сознания Л. Выготский, успешно начинали свой творческий путь А. Зиновьев и Э. Ильенков. Что же касается последующего развития нашей философии в 1960–1980-е гг., то о достижениях этого времени уже сказано в известных публикациях последних лет. Этой тематике посвящена серия книг «Философия России второй половины XX века».

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. были преодолены последние идеологические барьеры, обозначавшие нежелательные темы для философского обсуждения. Сформировались новые позиции в анализе русской философии с акцентом на ее достижениях конца XIX – начала XX в. В области социальной философии активно анализировались различные модели социальной динамики, выработанные в рамках как марксистского, так и немарксистского подходов. Примерно за десятилетие на русский язык было переведено большинство значительных философских работ западной и восточной философии. Все это создавало необходимую базу для нового этапа философских исследований. Но вместе с тем не было никакого резкого разрыва и отказа от того, что было позитивно наработано на предшествующих этапах развития нашей философии. Более того, рост знания и новые результаты были получены именно в тех областях, в которых уже были достижения и перспективные исследовательские программы. В конце концов у нас же была профессиональная работа, и мы не были отделены от мировой философии. Существовали общие проблемные поля в нашей и западной философии, а также разнообразие подходов к их решению. Но подвижки в плане большей свободы творчества произошли.

К. Определенные политические ограничения были устранены.

С. Этого нельзя отрицать. Но большая свобода творчества не снимает вопроса о профессиональной ответственности. И в этом аспекте у нас были не только позитивные результаты, но и определенные издержки. Сегодня, если есть деньги, можно опубликовать любую ру-

копись, без всякого ее предварительного рецензирования. В результате на книжном рынке появилось множество сомнительных и непрофессиональных публикаций, выражающих скорее поверхностное мнение, чем обоснованное философское знание. Достаточно много книг и статей не содержат нового, а просто воспроизводят, зачастую в худшем, упрощенном, изложении то, что уже сказано в философской литературе. Многократно участились случаи плагиата.

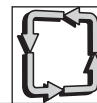
Возникла достаточно странная на первый взгляд ситуация. Среди образцов ответственной профессиональной работы сегодня значительная часть приходится на долю как раз того поколения, которое определенное время работало в условиях идеологического контроля. Это прежде всего мое поколение и философы последующего поколения, которые уже в зрелом возрасте (30–40 лет) встретили радикальные трансформации нашей жизни. Мы научились развивать философию, преодолевая идеологические барьеры. И это приучило нас к особому отношению к собственным идеям, к рефлексии, в процессе которой происходит критическая оценка написанного текста, оценка того, как он будет воспринят и понят другими людьми. А это предполагает постоянный внутренний диалог со своим адресатом, с сообществом, а где-то и с более широким кругом образованных людей. Такой диалог заставляет критически относиться к самым первым своим аргументам, возражать себе самому, оттачивать аргументацию. Только так формируются более или менее дельные и обоснованные мысли. А в современных условиях, к сожалению, нередко встречаешь иное отношение к делу – все, что вышло из-под пера, гениально. Философ, который себя не критикует, хорошим философом не будет. Ему свобода оказывает дурную услугу.

К. Получается, в условиях свободы человек просто перестал нуждаться в обосновании своих выводов...

С. Если он свободу трактует как своеволие, то тогда так. А если он соединяет свободу с ответственностью, то нет.

К. На Западе – в Америке, в Западной Европе – философия существует в условиях интеллектуальной политической свободы. Тем не менее там сильное развитие получила аналитическая философия, которая делает акцент как раз на процедуре тщательного обоснования. Мысли могут быть не сильно глубокие, но зато обоснование должно быть безупречно, в том числе логическое.

С. Здесь я должен пояснить свою позицию. Прежде всего из моих предыдущих рассуждений не следует, что чем больше интеллектуальной свободы, тем меньше философия может уделять внимания процедурам обоснования своих знаний. Мысль заключалась в обратном, а именно: философия, если она исключает эти процедуры, перестает быть философией, и даже в эпохи жесткого идеологического

контроля она сохранялась благодаря тому, что в ней сохранялся идеал доказательности и обоснованности философских суждений.

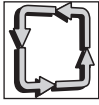
Что же касается аналитической традиции, то философское обоснование не сводится к ней, хотя и включает ее в свой состав в качестве одного из аспектов. Аналитическая философия, как известно, широкое течение, включающее разные направления и школы. Уточнение смыслов понятий и суждений обыденного языка, языка науки и языка философии, проблематика связи языка, сознания и внеязыковой реальности – эти и другие темы, разрабатываемые в рамках аналитической традиции, относятся к кардинальным проблемам философского познания. Другой вопрос, каковы средства и методы их решения. Здесь необходим конкретный анализ различных школ и направлений аналитической философии и полученных ими результатов.

К. Мой-то вопрос связан с тем, что в нашей сегодняшней российской философии наблюдается процесс рассыпания всего сообщества на какие-то мелкие кружки, внутри которых люди друг друга понимают, и это понимание не требует никакого обоснования. Но между собой они практически не общаются из-за отсутствия общих критериев оценки философского знания. И возникает новая идея: просто ограничиться какими-то чисто формальными подходами, всякими индексами, рейтингами, потому что содержательных критериев просто уже нет.

С. Я думаю, что содержательные критерии есть, но они не носят формализованного характера. А попытки их формализовать связаны с запросами вненаучного характера. Эти запросы продиктованы прежде всего распространением рыночных отношений на сферу интеллектуальной деятельности. Когда продукты этой деятельности начинают функционировать в качестве товаров, имеющих денежный эквивалент, к ним применяются количественные характеристики. Как отмечали Маркс и Зиммель, деньги превращают индивидуально неповторимые вещи, состояния, человеческие качества в количественно калькулируемые объекты. В свое время Вебер отмечал, что это одна из важных характеристик «духа капитализма».

В современную эпоху провозглашено особое состояние социальной жизни – общество знания. Его трактуют как приоритетную ценность для общества знаний, образования, науки. Но при этом часто упускают из виду, что суть в другом. В том, что знание рассматривается как рыночный продукт, изготовление, распространение и применение которого должно контролироваться рыночными средствами. Именно в этом контексте возникают задачи дать количественную оценку качества знаний и их перспективности.

В развитых странах инвестиции в сферу науки возрастают. Большая наука с дорогостоящими приборными комплексами и увеличением числа специалистов требует все больших затрат. Оценка отдачи от

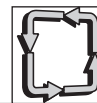
инвестиций становится проблемой, которую пытаются решить, вводя количественные критерии эффективности научной деятельности. В сфере прикладных исследований эффективность может определяться изобретением новых технологий и их внедрением. В принципе здесь можно сопоставить затраты на исследования и ожидаемую прибыль в денежном выражении. Но в фундаментальных науках, результаты которых могут иметь практическое приложение зачастую только на будущих этапах развития цивилизации, нужны иные подходы.

Эффективность исследований предлагается оценивать по комплексу следующих показателей: в о - п е р в ы х, по выполнению утвержденных государством программ (в случае государственного финансирования); в о - в т о р ы х, по количеству публикаций и количеству ссылок на них, выраженных в соответствующих индексах цитирования; в - т р е т ь и х, по положительным оценкам результатов со стороны независимых экспертных групп и рейтинговых агентств.

К. Думаю, что следует посмотреть, что может дать каждый из этих кластеров оценки эффективности, и выяснить, насколько эффективна сама эта оценка.

С. Отчасти об этом говорилось, но исследования в этой области, конечно же, необходимо продолжать. Тем более что в нашей стране Министерство образования и науки, а теперь уже и ФАНО практически не принимают во внимание изъянов и ограниченностей формализованных оценок. А эти ограниченности имеют место. Прежде всего стремление финансировать только программно-ориентированные исследования ставит вопрос об определенной перспективности программ и их экспертизе. Уже стало штампом утверждение, что для финансирования всех направлений современной науки средств не хватит ни у одного отдельно взятого государства. Поэтому нужно сосредоточиться на главных «прорывных» направлениях. Но возникает вопрос: как определить, какие направления будут прорывными?

Я в одной из своих работ предложил такой мысленный эксперимент. Допустим, что физика в конце XIX в. была бы организована по принятым сегодня меркам программно-ориентированных исследований. Что было бы определено в качестве ее главных направлений? По-видимому, ключевыми стали бы программы классической механики, термодинамики и электродинамики Максвелла–Лоренца. В то время считалось, что научная картина мира практически завершена, что есть только два небольших облачка на чистом небосводе науки — задача излучения абсолютно черного тела и задача ковариантности уравнений поля в электродинамике движущихся тел. Обе воспринимались как задачи частного характера, а не как кардинальные физические проблемы. Они не расценивались научным сообществом в качестве «прорывных направлений исследования». Но как известно из истории науки, именно решение этих задач привело к великой научной

революции, завершившейся созданием квантовой механики и теории относительности.

Отсюда можно заключить, что при всей важности программно-ориентированных исследований финансирование только по программам должно сочетаться с финансированием свободных поисковых исследований. Важно определить оптимальные пропорции, допустим, 80 % на программы, 20 % бюджетного финансирования на свободный поиск (или 70 % на 30 %).

К. По-видимому, трудности определения «прорывных направлений» возрастают, когда дело касается гуманитарных наук.

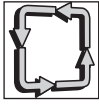
С. В этой области примитивно-прагматический подход может принести немалый вред. Влияние гуманитарных знаний на общественную жизнь зачастую опосредовано, многопланово и оценка тех или иных направлений предполагает учет многих факторов. Сочетание программно-ориентированных и свободных поисковых исследований в этой сфере имеет даже большее значение, чем в естественных науках.

К. Достаточно много споров вызывают количественные оценки эффективности ученых, основанные на индексе цитирований.

С. Количество цитирований в определенной степени может служить показателем научной активности. Но эти показатели в большей мере ориентированы на исследования, которые Кун обозначал как «нормальную науку». Решение частных задач в рамках устойчивости, парадигмы может обеспечить как рост публикаций, так и соответственно высокие индексы цитирования. Но если речь идет об открытиях, приводящих к смене парадигмы (научная революция), то они чаще всего не сразу обретают известность и получают признание. На этот счет есть множество примеров в истории науки. Пожалуй, наиболее часто приводимый пример – открытие Менделя. Его публикация, которая сегодня считается первым экспериментальным обоснованием генов, не получала откликов 35 лет, и только после переоткрытия генов в начале XX в. Мендель был признан одним из основателей генетики. По нынешним меркам, Менделя в течение этих более чем 30 лет следовало бы считать неэффективным ученым.

Что же касается применения индексов цитирования при оценке гуманитарных исследований, то здесь возникают дополнительные проблемы. В философии, например, главной и наиболее значимой публикацией является монография. В рамках небольшой по объему статьи трудно дать достаточно глубокое и многоплановое обоснование философских идей. Но при определении индексов цитирования принимаются во внимание прежде всего статьи в заранее определенных престижных журналах.

К. Я могу предположить причину. Это связано с чисто юридическими, техническими вещами. Журнал – это отдельное юридическое

лицо, которое постоянно производит публикации, и с ним можно иметь дело, публикации можно «заливать» в Сеть. А книги издаются в разных издательствах. И каждый раз нужно заключать отдельный договор, что технически сложно.

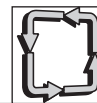
С. Здесь мы опять видим, как вторгаются в науку рыночные отношения с их отработанной технологией юридической регуляции. Справедливости ради следует отметить, что за последний год произошли подвижки. Насколько я осведомлен, РИНЦ согласился учитывать философские монографии.

Конечно, из сказанного выше не следует, что во всех случаях индексы цитирования бесполезны для оценки эффективности научной деятельности. Кстати, отмеченное вами «рассыпание» философского сообщества на небольшие изолированные группы, между которыми нет необходимой коммуникации, найдет выражение в низких показателях цитирования для такого рода групп. Но в целом индексы цитирования не могут стать главным определителем эффективности учебных и научных учреждений (НИИ РАН, кафедр вузов и др.).

К. Каковы, с вашей точки зрения, перспективы деятельности международных экспертных групп и рейтинговых компаний, привлекаемых для оценки научных исследований?

С. Практика использования сети этих групп и компаний на Западе уже имеется. Но результаты ее неоднозначны. В последнее время чиновники нашего Министерства образования и науки не раз заявляли о своих намерениях обратиться к западным экспертам для оценки эффективности наших НИИ (РАН и вузов). Сообщалось, что Минобр собирается потратить на эту акцию несколько десятков миллионов долларов США. Обоснованием всех этих действий является тезис, что таким путем обеспечивается независимость экспертизы, что гарантирует ее объективность. Однако этот тезис по меньшей мере вызывает сомнения: на мировом рынке знаний существует конкуренция, и ограничить возможности конкурента считается вполне допустимой акцией. Но еще больше сомнений вызывает этот тезис, если учесть соперничество стран в процессах глобализации и современные информационные войны, которые обслуживают это соперничество. Очевидно, что современная социальная среда накладывает свой отпечаток и на процессы, регулирующие производство и потребление знаний.

Известные немецкие социологи науки П. Вайнгарт и Р. Мюних в своих последних книгах опубликовали результаты анализа деятельности экспертных групп, рейтинговых агентств и консалтинговых фирм, претендующих на управление наукой. Вайнгарт и Мюних написали, что в настоящее время сложилась транснациональная коалиция менеджеров, бывших ученых, ничем не проявивших себя в науке, аудиторов, бывших политиков, представителей различных сфер биз-

неса. Эта коалиция претендует на управление наукой в глобальных масштабах от имени демократии и свободного рынка. Сформировалась расширяющаяся сеть, ядро которой находится в США, которая влияет на многие аспекты управления наукой – от определения рейтингов научных учреждений до рекомендаций правительствам о направлении реформ в науке и образовании. В США рекомендации этой сети почти не используются, они предназначены для внешнего потребления. Мюнхен приводит в качестве примера отрицательного эффекта рекомендаций сети использование таковых в Австралии, что привело к катастрофическим последствиям для ряда перспективных направлений науки в этой стране.

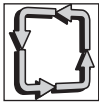
К. Здесь мы сталкиваемся с вопросом о соотношении внешнего регулирования и саморегулирования науки.

С. Это действительно чрезвычайно актуальный вопрос. Саморегулирование науки дело сложное. Ее автономное развитие, нацеленное на решение многообразных проблем, возникающих по мере охвата наукой все новых сфер природы, общества и человеческого сознания, необходимо каждый раз согласовывать с возможностями государственной и негосударственной поддержки. Это предполагает особое управление наукой и формирование соответствующего менеджмента, обеспечивающего соединение запросов рынка, знания финансовых отношений с пониманием современных особенностей фундаментальных и прикладных исследований в естествознании, математике, технических и социально-гуманитарных науках.

Пока такого менеджмента в нашей стране не создано. И решить эту задачу непросто. Тем более что в последние годы утверждалась практика считать эффективными менеджерами тех, кто однажды добился успеха в каком-либо виде деятельности. Их и привлекают для управления другими видами деятельности, с иной предметной областью, полагая, что они и здесь добьются успеха. Практика такого рода «абстрактного менеджмента» основана на неявно принимаемом допущении, что для управления деятельностью не имеют существенного значения знание и глубокое понимание особенностей предмета деятельности.

Но человек, который берется управлять деятельностью, не понимая особенностей ее предметной области, имеет мало шансов на успех. Как правило, он будет ориентироваться на формально-бюрократические методы управления, увеличивать штат различных советников, помощников, служб, задач которых становится изобретение различных показателей и форм отчетности.

Идеалом управленцев такого типа является максимальная формализация деятельности с перспективой создания на базе количественных показателей соответствующих компьютерных программ. Тогда «эффективный менеджер» сможет нажать кнопку компьютера, кото-

рый выдает оценку, допустим, исследовательскому институту, лаборатории, отдельному ученому – «эффективен» либо «неэффективен». Останется только принять соответствующее управленческое решение. Очевидно, что реализация такого рода управленческого идеала контрпродуктивна для науки.

К. Тип управления научной деятельностью оказывает определенное влияние и на ориентиры, которыми должен руководствоваться исследователь. Если главными становятся количественные показатели, то не будет ли это стимулом избегать трудных проблем и обращаться к менее трудоемким, узким темам и задачам, чтобы получить быстрый результат?

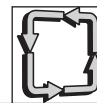
С. Опасность такая существует. Анализ ВАКом философских диссертаций показывает, что среди них становится все меньше проблемных и трудоемких работ, требующих большого объема знаний не только философии, но и смежных наук. Это особенно показательно для диссертаций молодых ученых. Если сравнить с советскими временами, то возраст защищающих докторские диссертации сегодня значительно ниже. Омоложение докторского корпуса можно приветствовать, но только при условии, что планка требовательности не понижена. Сегодня ВАК предпринимает необходимые усилия для ее повышения, хотя не все здесь сразу получается.

Нужно откровенно признать, что последние годы перестройки и лихие 90-е внесли большую турбулентность в область подготовки научных кадров. Внедрение в эту область рыночных отношений сопровождалось большими издержками. В советские годы были случаи, когда кандидатские и докторские писались за деньги на заказ. Но это всегда тщательно скрывалось. Сегодня же такая «подготовка» диссертаций превратилась в широкую сферу бизнеса. В Интернете и СМИ можно встретить множество незамаскированных прямых предложений на эту тему. Плюс ко всему у политиков, госслужащих, бизнесменов возникла мода улучшать свой имидж путем ускоренного получения докторских степеней и научных званий. К сожалению, диссертационные советы в этих случаях не проявляют должной принципиальности.

Все это, конечно, не создает благоприятной среды для поддержания высоких стандартов и паттернов научной деятельности.

К. Сегодня наблюдается большой приток студентов в вузы, но качество выпускников, как ни странно, в среднем невысокое. Многие идут учиться, но учиться не хотят. И это наблюдается во всех областях. Престижно быть студентом, но нет желания учиться.

С. Престижно иметь диплом, а приобретать глубокие знания через напряженный труд не очень привлекает. Здесь сказывается социальная обстановка современного рынка и потребительского общества Запада, на идеалы которого мы сегодня ориентируемся. Менталитет современного постиндустриального общества потребления уже не

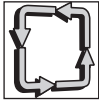
похож на менталитет индустриальной эпохи. Как отмечал американский философ и историк науки Дж. Холтон, в эпоху «классического модерна» XIX – начала XX в. сформировался идеал деятельности, который требовал особых людей, способных следовать твердому расписанию, соблюдать сложившиеся правила и нормы, принимать решения на базе объективных данных и рационального анализа, подчиняться авторитету, который узаконен не сакрально, а только за счет профессиональных достижений. Этот тип поведения описывал еще Вебер. Он характеризовал его как образ «железной клетки» рациональности, которая ограничивает своеволие человека.

Сегодня, как писал известный английский философ, социолог и политолог Э. Геллнер, «железная клетка» рациональности замещается «резиновой клеткой», ориентирующей на мягкие формы регуляции. В современном обществе рациональная мысль и воплощающие ее виды деятельности все более сжимаются. Как отмечает Геллнер, все большей оказывается доля населения, которая предпочитает легкие занятия. Это – люди потребительского общества, ориентированные не столько на профессиональную деятельность и достижение успеха в ней, сколько на развлечения, личные формы досуга. Они не хотят подчиняться жестким правилам. И когда эти люди вынуждены следовать таким правилам, то жизнь для них уже далека от идеала.

Наука в современном потребительском обществе для многих не является привлекательной профессией. Она требует длительной подготовки и большого самоограничения. В свое время известный педагог Ушинский писал, что мыслить тяжело, а фантазировать легко. Западные социологи констатируют, что люди сейчас не стремятся в науку. Хотя в науку еще верят, но больше верят в технологии. К ним относятся с благоговением.

Укоренившийся в потребительских обществах тип обыденного сознания трудно совместим с идеалами и нормами научности, требующими обоснования, доказательности и системности изложения. Сегодня под влиянием СМИ и Интернета у массы людей формируется так называемое клиповое сознание, когда мелькает калейдоскоп образов, не связанных никакой логикой и не имеющих рационального основания. «Клиповое мышление» является распространенной формой обыденного сознания. В нем легко сопрягаются и рядопологаются логически несовместимые утверждения. И его перенос в науку и философию создает дополнительные трудности для усвоения идеалов и норм, обеспечивающих рост знания в этих областях.

К. У меня такое ощущение, что в философии сегодня применяют, что называется, очень мягкие эпистемические критерии, т.е. большинство согласилось с тем, что философия не наука и не нужно даже пытаться делать из нее науку, а нужно осуществлять некий фрагментарный дискурс обо всем понемножку.

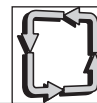
С. Такая интерпретация философии в целом неверна. Она выхватывает только одну сторону философии и игнорирует другую. Это столь же неправильно, как определять науку только в качестве набора данных наблюдения и опытных фактов и отбрасывать все, что относится к теоретическому уровню научного знания. Философия, как я уже говорил, включает исследования, нацеленные на обнаружение в разных сферах культуры мировоззренческих универсалий. На этом этапе она широко использует метафоры, аналогии, художественные образы, что сближает ее с литературой и в целом художественным освоением действительности. Сближает, но не делает их тождественными.

Кроме того, есть еще обязательный для развитой философии уровень вторичной рефлексии над универсалиями культуры, где формируются строгие определения философских категорий и где постановка и решение теоретических задач генерируют новые категориальные смыслы, выходящие за рамки сложившейся культурной традиции и адресованные будущему. На этом уровне стандарты философского мышления совпадают с основными стандартами научности. Остается сожалеть, что у некоторых наших коллег нет ясного понимания этих особенностей философского дискурса и они передают молодому поколению неадекватные образы философии.

К. Возникает вопрос, который нередко задает себе исследователь в поисках самоопределения: где в рамках моей дисциплины мейнстрим, а где периферия? Работать в поисках новых универсалий или анализа их исторических форм? Где возможна новизна, прогресс? Какое направление исследований выбрать? Где можно рассчитывать на простоту знания и оно продемонстрирует эффективность, а где значительных инноваций ожидать не следует?

С. Для саморазвивающихся систем, к которым относится и философское знание, однозначное предсказание будущего невозможно. Такое предсказание всегда сценарно, оно обозначает вероятные тенденции развития, но какая из них реализуется, заранее неизвестно. Правда, уже после того как возникнет новый уровень знаний, который организует и переосмысливает предшествующие ему знания, включая их в новую системную целостность, ретроспективно можно обнаружить детерминацию свершившегося настоящего прошлым. Глядя назад, мы можем прочертить детерминированную траекторию от прошлого к настоящему, но, глядя вперед, от настоящего к будущему, всегда имеем дело с «всеом» возможных траекторий, из которых реализуется только одна.

Отсюда следует, что мейнстрим будущего можно предсказать только как один из возможных сценариев развития философского знания. При этом в прогнозе, нацеленном на определение мейнстрима, важно каждый раз не упускать из виду, что автономное развитие

философии всегда относительно. Это развитие встроено в культуру своей эпохи и определено происходящими в эту эпоху цивилизационными переменами.

К. В этом случае вопрос о мейнстриме в современной философии требует ответа на другой вопрос: каковы цивилизационные перемены, которые происходят в наше время?

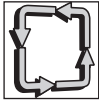
С. Эти перемены происходят, и они столь радикальны, что речь идет о смене типа цивилизационного развития. На эту тему я уже высказывал свою точку зрения.

Техногенная цивилизация, трансформируя предшествующие ей традиционалистские общества, стала определять ход человеческой истории в планетарных масштабах. Эта цивилизация дала человечеству множество достижений, но вместе с тем породила обостряющиеся глобальные кризисы, выход из которых требует изменить стратегию цивилизационного развития. А это в свою очередь предполагает критический анализ фундаментальных ценностей и жизненных смыслов, лежащих в основании техногенной цивилизации, и выработку новых мировоззренческих ориентиров.

Сегодня очень важно аналитически выявить, создаются ли предпосылки новых ценностей в системе современных цивилизационных перемен. Я вижу в этой аналитической работе одну из главных задач философии. Ей необходимо проследить, где и как в недрах современной техногенной культуры возникают точки роста новых ценностей, отличных от тех, на базе которых более четырех столетий развивается техногенная цивилизация. Под этим углом зрения я анализировал изменения типа научной рациональности в конце XX – начале XXI в., но подобный анализ необходим по отношению к политическому, правовому сознанию, сфере нравственности, области искусства и т.п. Важно, критически осмысливая базисные ценности техногенной культуры, выяснить, как они могут сегодня видоизменяться, каковы предпосылки их трансформации и какие трансформации ценностей открывают путь к выходу из глобальных кризисов. Новая цивилизация, если она возникает, должна вырастать из современной. А это значит, что предпосылки нового культурно-генетического кода должны формироваться в недрах современных состояний техногенной культуры. И участие философов в процессе поиска новых ценностей – это наше прямое предназначение, наша социальная функция.

Десять лет назад в беседах по поводу моего 70-летнего юбилея³ мы с вами обсуждали этот подход. И я отмечал, что каждая философская дисциплина может внести свой вклад в решение проблем точек

³ См.: Человек. Наука. Цивилизация. М., 2004.

роста новых ценностей. Сегодня я могу констатировать, что актуальность такой работы резко возросла.

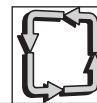
К. Как я понимаю, вы определяете это направление как мейнстрим философских исследований XXI в.

С. Не буду возражать. Отмечу только, что данный сценарий не единственно возможный. Есть и альтернативные сценарии. В частности, стремление сохранить стратегию техногенного развития может стимулировать философскую интерпретацию сегодняшних кризисных процессов и социальных рисков, порожденных техногенной цивилизацией как воспроизводящихся и отныне стандартных, непреходящих состояний всего последующего социального развития. Я думаю, что было бы интересно оценить с этих позиций философию постмодернизма как одну из экземплификаций описанного сценария.

Наконец, вполне вероятен (к сожалению) сценарий цивилизационной катастрофы, утраты основных достижений цивилизации, утверждения тоталитарных форм правления, жесткого контроля над новациями культуры и в этих условиях утраты прогностических функций философии и ее превращения в чистую идеологию.

Но я надеюсь, что человечество сумеет избежать такого рода негативных, разрушительных сценариев, что оно реализует сценарий перехода к новому (третьему по отношению к традиционалистскому, техногенному) типу цивилизационного развития, призванному найти выход из глобальных кризисов и обеспечить устойчивое развитие.

К. Мы здесь фактически подошли к тому вопросу, который я хотел бы сейчас задать – об отношении вашей концепции постнекласической рациональности к популярному тренду, который называют постгуманизмом и трансгуманизмом. Разумеется, сама постановка этого вопроса требует уточнения. Конечно, если мы будем обсуждать этот тренд на уровне журналистского дискурса, то этого явно недостаточно. Нам-то нужно поразмыслить с учетом мирового развития философии. После Сартра уже как-то неудобно говорить о человеческой природе как о некотором субстанциональном образовании. Экзистенциалистское направление в философии довольно убедительно показало, что экзистенция предшествует сущности, а не сущность предшествует экзистенции, человек не обладает изначальной сущностью, которую он потом как бы реализует. Он, как мы раньше говорили, есть развивающаяся личность. И он только по мере своего развития приобретает свои качества. Так вот, когда мы сталкиваемся с проблематикой постгуманизма, возникает впечатление, что люди, обсуждающие эту тему, полагают, что есть некоторая фиксированная природа человека, которая сохранялась все предшествующие эпохи, а сегодня происходит трансформация и выход за ее пределы.

С. Вопрос, который вы сформулировали, содержит несколько системно связанных проблем. Думаю, что их обсуждение чрезвычайно важно. Они фиксируют один из наиболее актуальных аспектов того мейнстрима, который был обозначен в предыдущем ответе, и они возвращают нас к самой главной и вечной проблеме философии – что есть человек? Проблема природы человека и ее изменений бесспорно должна обсуждаться на уровне современных достижений науки и современных развитых в философии методологических подходов.

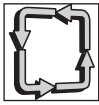
Понимание человека как самоизменяющейся сущности сегодня можно конкретизировать в трех главных аспектах. П е р в ы й из них касается рассмотрения человеческой телесности. Она не просто выступает как биологическое тело, сформировавшееся в ходе антропогенеза, но представляет собой двухкомпонентную систему, включающую биологическую составляющую плюс «неорганическое тело человека» (термин Маркса), т.е. все те многообразные фрагменты искусственно созданной человеком предметной среды (второй природы), которые служат функциональным дополнением и усилением естественных органов человека.

Эволюция человеческой телесности предстает как переход от антропогенеза к социогенезу. В этом процессе неорганическое тело человека наследуется социально. При переходе от варварства к цивилизации оно предстает как «неорганическое тело цивилизации». Развитие этого компонента человеческой телесности характеризуется его системным усложнением. В техногенной цивилизации это развитие поэтапно включает в организацию «неорганического тела» простые, затем сложные саморегулирующиеся и, наконец, на современном этапе техногенеза сложные саморазвивающиеся системы.

В т о р о й аспект развивающейся сущности человека представлен системой его социальных связей и коммуникаций в малых и больших социальных группах.

Т р е т ь и й аспект – это сложная исторически развивающаяся система программ деятельности, поведения и общения, кодируемых в разных типах социокода и образующих человеческую культуру. Культурные социокоды надстраиваются над биологическими генетическими кодами человека, накладывают на них определенные ограничения, канализируя их проявления в жизнедеятельности людей.

Все три аспекта выражают три исторически развивающихся отношения человека к миру: к природе, социальным связям и институтам, человеческому духу, включая акты индивидуального и общественного самосознания, т.е. отношения человека к своему собственному сознанию и сознанию других, в том числе и к духовному миру поколе-

ний, зафиксированному в кодах культуры в качестве социальной памяти и транслируемому в форме культурной традиции.

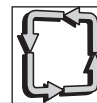
В социальной жизни, вне которой невозможно человеческое существование, эти три основных отношения образуют три подсистемы общества: экономическую подсистему, ядром которой является производство материальных благ; подсистему социальных связей и отношений людей (больших и малых социальных групп); культуру.

Каждая из этих подсистем лишь относительно автономна. Изменение в любой из них приводит к изменению остальных. Они всегда образуют в своих связях системное целое. Преобразуя природные и социальные объекты, человек в этом процессе развивает свою сущность. И в каждом своем аспекте человеческая сущность предстает в качестве дуальной и противоречивой системы.

В о - п е р в ы х, это противоречие касается связей между биологической составляющей человеческой телесности и ее «неорганической» составляющей. Биологическое тело выступает результатом естественной эволюции, тогда как «неорганическое» тело человека является продуктом искусственно созданной самим человеком линии эволюции природы. В рамках космогенеза без человека она не возникает. Ее появление вне человеческой деятельности ничтожно мало, хотя и не противоречит законам природы. Но с формированием человека она становится реальностью. Дивергенция этих двух линий («естественной» и «искусственной», порожденной человеком) приводит к экологическому кризису. Его преодоление означает выработку таких стратегий деятельности и социального развития, в которых бы обеспечивалась коэволюция человека и окружающей его природной среды (биосферы как целостного организма, в который включен человек и его «неорганическое» тело).

В о - в т о р ы х, в системе социальных отношений и коммуникаций человек предстает, с одной стороны, как индивид и автономная личность, а с другой – как элемент социальных систем, которые определяют его личностные качества. И вновь возникает проблемная ситуация согласования этих двух позиций: с одной стороны, автономии неповторимой индивидуальности личности, а с другой – невозможности ее формирования вне социальных связей, вне ее обусловленности этими связями. Эта проблемная ситуация воспроизводится на каждом этапе трансформации малых и больших социальных групп. Для каждого человека в эпоху таких трансформаций она выступает как проблема идентичности.

Наконец, в - т р е т ь и х, можно зафиксировать оппозицию между программами, представленными биокодом каждого индивида, и программами социокода, которые он усваивает в процессе обучения, воспитания и социализации. И вновь можно констатировать, что кардинальные изменения в культуре каждый раз остро

ставят проблемы социализации, воспитания и образования, актуализируют описанные Фрейдом проблемы состыковки био- и социокодов.

В современную эпоху ускорившиеся темпы социальных изменений все чаще порождают многообразные кризисные ситуации, редуцируемые к проблемам самосборки и воссозданию целостности развивающейся сущности человека.

К. Как я понимаю, все эти многообразные проявления противоречий и кризисов вы суммарно характеризуете понятием «антропологический» кризис.

С. Это так. И в широком понимании экологического кризиса он тоже выступает своего рода подсистемой антропологического кризиса современной эпохи.

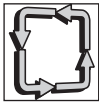
К. Насколько я знаю ваши работы, вы анализируете и оцениваете идеи трансгуманизма, соотнося их с обострением антропологического кризиса.

С. Я их рассматриваю как проявление этого кризиса, учитывая, что обоснование и оправдание трансгуманистами неконтролируемых экспериментов с биологической основой человека формирует новые зоны риска, обостряющие антропологический кризис. Трансгуманизм игнорирует сложную динамику человеческого бытия. Он выхватывает из сложной системы связей только одну сторону – возможность современных технологий изменять природное тело человека, улучшая его отдельные функции.

Современные информационные, когнитивные и биотехнологии (прежде всего генетическая инженерия) создают новые перспективы лечения ранее неизлечимых болезней, исправления наследственных дефектов генома и улучшения качества жизни людей. Но трансгуманизм не ограничивается этими перспективами, а ставит проблему кардинального улучшения человека. Трансгуманисты полагают, что должна быть создана новая раса мыслящих существ, по отношению к которым мы – люди – будем такой же более низкой ступенью развития, как по отношению к нам стадные животные. Предназначение человека состоит в том, чтобы дать старт новой стадии эволюции, превратиться в материал для последующего конструирования более совершенного постчеловека.

В этом движении к «светлому будущему» промежуточными ступенями должно стать планомерное совершенствование созданного природой антропологического материала, его приспособление ко все новым социальным нагрузкам. Как реализация этой цели выдвинута, например, идея создания идеального солдата с более быстрыми реакциями и подавленным чувством страха.

Достаточно правдоподобно выглядят сведения об экспериментах по использованию генетической инженерии для «изготовления»

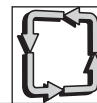
олимпийских чемпионов. Сегодня известны скандалы с кровяным допингом, но, возможно, проблема повышения уровня гемоглобина будет решена с помощью генетических манипуляций. А дальше откроется новая «перспектива». Если такого рода генетическое вмешательство будет поставлено на поток и станет экономически не очень дорогим, то не исключено, что возникнет соблазн вывести новую породу людей, которая сможет дышать отравленным воздухом больших городов, и не нужно будет тратить средства на охрану природы. Такие подходы вполне укладываются в традиции современного мирового рынка. А в результате это может значительно ускорить глобальную экологическую катастрофу. Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад.

Возникает вопрос, к чему может привести изготовление генетически специализированных особей. На этом пути могут быть ликвидированы универсальность человека, его способность овладевать различными знаниями и различными видами деятельности. Человеческое общество отличается от сообщества пчел, муравьев как раз тем, что человек не запрограммирован заранее своей генетикой на выполнение только небольшого числа функций. Он творческое существо, и его активность является условием развития общества.

Трансгуманисты обычно акцентируют внимание только на положительных перспективах возможных трансформаций человеческой биологии и мало говорят о рисках, возникающих в этой области. Но риски возникают, и их нельзя считать случайными и несущественными.

В о - п е р в ы х, сложность генома человека и его системная целостность не гарантируют, что при перестройке какого-то одного гена, программирующего определенные свойства будущего организма, не произойдет искажение других свойств, важных для человеческой жизнедеятельности.

В о - в т о р ы х, вмешательство в человеческую телесность и особенно попытки целенаправленно изменить сферу эмоций и генетических оснований человека даже при самом жестком контроле и слабых изменениях могут привести к непредсказуемым последствиям. Нельзя упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован. Предположим, что известному персонажу из антиутопии Дж. Оруэлла «1984» удалось бы реализовать мрачный план генетического изменения чувства половой любви. Людей, у которых исчезла бы эта сфера эмоций, уже не волновала бы, например, музыка Баха и не интересовало творчество Байрона, Шекспира или Пушкина, для них выпали бы целые пласты человеческой культуры. Биологические предпосыл-

ки – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой вырастала человеческая культура и вне которой невозможно была бы человеческая духовность.

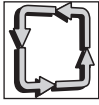
Если игнорировать ситуацию риска при генетических манипуляциях с биологической составляющей человеческой телесности, то скорее всего будут созданы условия не для совершенствования человека, а для новых кризисов и социальных катастроф.

К. Эксперименты с человеческим геномом являются частью научных исследований в этой области. И если наука и технологии открывают новые перспективы биологического совершенствования человека, то деятельность в этом направлении обязательно возникнет. Ее невозможно запретить.

С. Запреты на те или иные исследования если и происходят, то, как правило, не носят глобального и абсолютного характера. Например, разработка технологии клонирования в свое время вызвала острые дискуссии, итогом которых было соглашение биологов ввести мораторий на клонирование человека, разрешив эксперименты с животными и растениями. И это было целесообразно, поскольку были выявлены побочные эффекты, такие, как раннее старение клонов, что в свою очередь поставило перед исследователями новые задачи. Здесь речь идет о регулировании исследований в постнеклассической науке, которая изучает и технологически осваивает сложные человекообразные системы. Регуляция в этой области предполагает социально-этическую экспертизу научных программ и проектов. Причем экспертиза не должна ограничиваться только разрешениями или запретами. Если необходим мораторий из-за обнаружения больших рисков, то это не значит, что исследование закончено.

К. Экспертиза должна иметь сопровождение.

С. Риски должны быть не только зафиксированы, но и проанализированы. И не только в их ближайших, но и в отдаленных последствиях. А для этой цели должны быть подключены специалисты из различных областей знания, не только естественных и технических, но и прежде всего социально-гуманитарных наук. Есть такой принцип: если исследования и технологии могут дать позитивные результаты, важные для общества, но при этом обнаруживаются побочные социальные риски, то исследования прекращать нельзя. Нужно не сокращать, а увеличивать финансирование соответствующих исследовательских проектов, чтобы выяснить, как и каким способом можно устранить или минимизировать риски. Думаю, что это одна из особенностей современной постнеклассической науки, осознающей необходимость комплексных междисциплинарных исследований для освоения сложных человекообразных систем.

К. На фоне этого разговора последний вопрос уже является избыточным. Я хотел спросить по поводу перспектив вашей философской работы, но вижу, что она каждую минуту может принять самое непредсказуемое направление...

С. В процессе решения конкретных задач часто возникает новое видение проблемы, происходит расширение поля проблем. Не исключено, что при анализе точек роста новых ценностей откроются новые понимания сознания и познания, социального развития и перспектив человека. Заранее сказать, что здесь будет более актуальным, трудно. Но всегда нужна глубокая, содержательная работа.

К. Спасибо за беседу.